

«ИСТОРИЗМ» Ф. МЕЙНЕКЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

В. П. Толокнов

Историк познает и интерпретирует исторический процесс, исходя из тех или иных общетеоретических, концептуальных предпосылок, обладающих определенным философским содержанием, независимо от того, являются ли эти общие представления об истории и путях ее познания результатом сознательного восприятия систематизированных концепций или они сложились относительно стихийно. Гносеологические и логические принципы историка вытекают из его философско-социального мировоззрения.

Буржуазная историография лишена того систематизированного общетеоретического и логико-гносеологического фундамента, каким обладает марксистская историческая наука. Не случайно на фоне ее развития все более рельефно вырисовывается типичная фигура философствующего историка, пытающегося из обрывков различных идеалистических учений сконструировать мировоззренческо-методологическое основание, на которое могла бы опираться конкретная интерпретация исторического процесса.

В данной статье ставится задача дать критический анализ философско-методологических принципов крупнейшего немецкого буржуазного историка Фридриха Мейнеке (1862—1954 гг.) и их идейных истоков¹. Необходимость такого анализа диктуется тем, что он дает возможность понять характер концептуальных основ всей современной западно-германской буржуазной историографии, признанным основоположником которой считается Мейнеке. Эта роль была отведена ему не только за конкретно-историческое и социально-политическое содержание его произведений, но и за философско-теоретические принципы, сформулированные им в качестве методологической основы исторической науки². Именно в этом усматривают буржуазные авторы одну из основных заслуг Мейнеке³. Анализу и пропаганде методологии истории, содержащейся

¹ В публикациях о Мейнеке (В. Бертольд. ...Голодать и повиноваться. Историография на службе германского империализма. М. 1964; А. И. Данилов. Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм. «Новая и новейшая история», 1962, № 2; Н. И. Смоленский. Л. Ранке и Ф. Мейнеке. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Вып. V. Томск. 1967) критически освещаются в основном его конкретно-исторические и социально-политические взгляды.

² См. подробнее в работе немецких марксистов: G. L o z e k, H. S y r b e. Geschichtsschreibung contra Geschichte. В. 1964. Kap. 1.

³ W. H o f e r. Geschichtsschreibung und Weltanschauung. Betrachtungen zum Werk Friedrich Meinekes. München. 1950, S. 370; e j u s d. Einleitung zur: F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. Werke. Bd. I. München. 1957, S. 7; H. R. S r b i k. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. II. München. 1951, S. 28.

в его работах, они посвятили значительное количество книг и статей, изданных в различных странах⁴.

На протяжении ряда десятилетий Мейнеке обосновывал так называемый «историзм» — эклектичную, отчасти эпигонскую, систему философско-исторических постулатов, которую он считал методологической основой конкретной историографии. Но как теоретик истории, он сумел сравнительно последовательно провести в историографии те принципы, которые он усвоил из некоторых течений немецкой буржуазной философии.

Буржуазная историческая мысль Германии еще в конце прошлого столетия обнаружила отчетливый переход к активной и сознательной защите идеализма. Философская индифферентность, некогда присущая даже наиболее крупным историкам (Л. Ранке, Я. Буркхардту), все больше подвергалась осуждению, указывалось, что она препятствует выполнению социальных задач историографии: сознательной защите существующего строя, пропаганде и отстаиванию приемлемых для него духовно-идеологических ценностей, мешает борьбе с материалистическим пониманием законов развития общества и др.

Растущая потребность в систематизированной методологии истории, которая содействовала бы решению всех этих задач, породила различные тенденции. Воплотившись в смежной с историографией философской дисциплине, эта потребность стимулировала в некоторых течениях идеализма экскурсы в сферу методологии исторического знания. На рубеже XIX—XX вв. попытку создать систему методологии исторической науки на иррационалистической и субъективистской основе предпринимают некоторые представители «философии жизни» (В. Дильтей, Г. Зиммель). Формально генеральная линия построений Дильтея и его последователей сводилась к преодолению натурализма в общественных науках («науках о духе») и обоснованию их особого, «автономного» методологического статуса. По существу же, эта линия оказалась направленной на подрыв рационально-научных принципов и методов в изучении и интерпретации истории. Коренным образом противопоставляя естествознанию общественно-исторические дисциплины и преувеличивая их предметные и методологические особенности, Дильтей приходил к выводу о непригодности общенаучной методологии в «науках о духе». Объектами познания историографии провозглашались исключительно «объективации духа», не допускающие применения принципов причинности, необходимости и закономерности. В качестве метода исторического познания выдвигалось «понимание», выступающее как синкретическая целостность иррационально-интуитивных средств⁵.

Активизация попыток обосновать методологические принципы наблюдалась в немецкой буржуазной историографии и среди представителей неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), которые также исходили из абсолютного противопоставления историографии и естествознания, что приводило их к отрицанию законов истории и подспудному

⁴ Кроме указанной выше работы В. Гофера, можно назвать: W. Hofer. *Geschichte zwischen Philosophie und Politik. Studien zur Problematik des modernen Geschichtsdenkens*. Stuttgart. 1956; R. Sterling. *Ethics in a World of Power. The Political Ideas of Friedrich Meinecke*. Princeton. 1958; A. Negri. *Saggi sullo storicismo tedesco. Dilthey e Meinecke*. Milano. 1959; W. Besson. *Friedrich Meinecke und der Historismus*. «Neue politische Literatur». Villingen. 1962, Jg. 7, Hf. 6; E. Schulz. *Das Problem der Individualität. Eine kritische Betrachtung des Historismus — Werke von Friedrich Meinecke*. «Historische Zeitschrift», 1963, Bd. 197, Hf. 1; S. Iggers. *German Historical Thought and the Idea of Natural Law*. «Journal of World History», 1964. Vol. 13; A. P. P. Two Poles within Historicism: Croce und Meinecke. «Journal of the History of Ideas», 1970. Vol. 31, № 2.

⁵ См. И. С. Кол. Вильгельм Дильтей и его «критика исторического разума». «Критика новейшей буржуазной историографии». Л. 1967; И. И. Орехов. «Философия жизни» Вильгельма Дильтея как иррационалистическая реакция на материалистическое понимание истории. «Современный капитализм и буржуазная социология». М. 1965.

протаскиванию умеренного иррационализма и субъективизма. Однако у неокантианцев центр тяжести в рассмотрении исторической реальности перемещался на обоснование идеалистического номинализма, на отрицание общего в исторической реальности, а также на извращение ценностного аспекта гносеологических проблем исторического знания. История рассматривалась ими как сосуществование и смена сугубо индивидуальных, единичных событий, лишенных элементов повторяемости и, следовательно, не оставляющих места для общих закономерностей. Историографии навязывался пресловутый «идиографический» метод, противопоставляемый «генерализирующему» методу естествознания и ориентирующий ее исключительно на описание отдельных, единичных событий. Существенность этих событий, мера их «историчности», с точки зрения неокантианцев, определяются исключительно путем соотнесения этих событий с «ценностями культуры». Растворение объективной сущности событий в гипертрофированном аксиологическом (ценностном) аспекте исторического познания неизбежно вело к оправданию произвола в отборе исторических фактов и их интерпретации⁶.

Указанные методологические концепции оказали большое влияние на буржуазную историческую мысль не только Германии, но и других стран⁷, однако, разумеется, они не могли преодолеть «мучительную неопределенность» исходных принципов буржуазного исторического мышления, их стихийность и аморфность, не говоря уже о том, что они не привели к целостному оформлению теоретико-методологической основы немецкой буржуазной исторической науки. В работах Дильтея и неокантианцев затрагивался сравнительно узкий круг философских вопросов исторического познания, ограниченных преимущественно сферой гносеологии и логики. Например, неокантианцы не только не дали обоснования ряду фундаментальных методологических проблем историографии, но к тому же имели тенденцию затуманивать и обесценить их путем гипертрофирования логических и аксиологических аспектов. Более того, на решение ряда проблем в рамках самой истории вообще налагался запрет. Проблема свободы воли в истории была объявлена не имеющей отношения к исторической науке и касающейся исключительно этики. Риккерт отвергал постановку вопроса о роли отдельной личности и масс в общественном развитии, доказывая, что любой подход к решению этого вопроса неизбежно претендует на формулирование законов и тем самым противоречит индивидуализирующему принципу, отрицающему всякие законы. Проблема социального прогресса была провозглашена исключительно аксиологической, а потому выходящей за рамки исторической науки⁸. Теоретическому обесцениванию и игнорированию подвергались

⁶ Подробнее см.: В. Ф. Асмус. Маркс и буржуазный историзм. Ч. 3. М. 1933, гл. XIII—XV. И. С. Кон. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959, стр. 70—101.

⁷ Буржуазные авторы и поныне высоко оценивают роль Дильтея и неокантианцев в обосновании методологии истории. «Дильтея,— пишет В. Гофер,— значительно приблизил теорию историографии к философии... Его теоретическое обоснование наук о духе, концепцию «понимания» и критику исторического разума нельзя отделить от нашей исторической науки» (W. Hofer. *Geschichtsschreibung und Weltanschauung*. S. 12). Американский историк С. Хьюз заявляет, что методологические принципы Дильтея и его последователей «имеют непреодолимое значение» (H. Stuart Hughes. *History as Art and as Science*. N. Y. 1964, p. 9). С восторгом говорит о неокантианцах Г. Риттер: «Историки встретили выдвинутое Виндельбандом и Риккертом логическое разграничение индивидуализирующего мышления наук о культуре и номотетического мышления естествознания, направленного на установление законов. Они восприняли это как философское обоснование своей методологической традиции» (G. Ritter. *Deutsche Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht»*, 1950, Hf. 2, S. 88). Шведский профессор Ридинг пишет, что произведения неокантианцев «остаются наиболее важным вкладом в эпистемологию (теорию познания.— В. Т.) исторического исследования» (E. Ridin g. *The Concept «Cause» as Used in Historical Explanation. Two Studies*. Gleeups. 1965, p. 40).

⁸ См. Г. Риккерт. *Философия истории*. СПб. 1908, стр. 69, 91, 117, 120—121.

и многие другие важные вопросы методологии исторического исследования.

Далеко не все постулаты, предложенные Дильтеем и неокантианцами, были приемлемы для буржуазных историков Германии. Открытый субъективизм дильтеевской концепции «понимания» несколько шокировал представителей respectable академической историографии, придерживавшихся идущих от Ранке традиций методологического объективизма. Историкам не мог не претить крайний формализм некоторых неокантианских принципов, сформулированных априорно, вне связи с реальной практикой исторического познания. Резкие возражения, например, встретила концепция абсолютных ценностей, предлагаемая неокантианцами в качестве единственного масштаба для соизмерения истории.

Таким образом, концепции Дильтея, Виндельбанда, Риккерта и других философов-профессионалов лишь частично утоляли «методологический голод» буржуазной исторической науки. Ввиду этого обстоятельства историки сами занялись дальнейшими поисками приемлемой идеалистической методологии. Эти поиски сопровождались критикой абстрактно-спекулятивных систем философии истории, в частности системы Гегеля, а также схематических социологических конструкций представителей позитивизма, зачастую склонявшихся к натурализму. Однако главное внимание уделялось критике материалистического понимания истории. В результате складывался особый вариант идеалистической методологии истории, с течением времени выступивший в терминологической оболочке «историзма». «Историзм» как методологическое течение в немецкой буржуазной исторической науке своим названием символизировал направленность против натуралистических и умозрительных, «дедуктивистских» конструкций, произвольно укладывавших реально-историческое в прокрустово ложе априорных схем. Однако это преодоление априоризма в рассмотрении истории осуществлялось путем канонизации некоторых традиционных идеалистических принципов исторического познания, дополненных постулатами Дильтея и неокантианцев и превращенных в некую эклектичную методологическую схему.

Эта тенденция отчетливо обнаружилась у Э. Трельча, который один из первых обосновывал концепцию «историзма». В своей работе «Историзм и его проблемы» (1922 г.) он обращал внимание на «кризис философских элементов исторической науки». Существующие философско-исторические системы, писал он, не способны преодолеть этот кризис и обосновать приемлемую для истории методологию, ибо они «оторваны от эмпирической истории». Трельч склонен был полагать, что всю совокупность методологических проблем, вставших перед исторической наукой, можно решить на основе и в рамках «историзма». Хотя сам Трельч и не давал четкого определения содержания «историзма», однако он попытался наметить наиболее важные его принципы. Он доказывал, в частности, что в противоположность абстрактно-общему закону, с которым имеет дело естествознание, «историзм оперирует категорией индивидуальной тотальности». С помощью этого понятия, определяющего, как он полагал, объект исторического познания, Трельч несколько ограничивал провозглашенный неокантианцами «индивидуализирующий метод». Он подчеркивал, что собственным предметом истории являются не столько отдельные, частные события, сколько «коллективные индивидуальности»: народы, государства, классы, культуры, а также комплексные процессы в виде войн, революций и т. п. Взгляд на индивидуальный характер исторических явлений, по Трельчу, должен дополняться понятием их развития. «Понятие развития,— писал он,— представляет собой стержень всего современного историзма». Призывая рассматривать историю в потоке становления и изменения, он вкладывал в понятие исторического развития иррационалистское содержание. Развитие истории сводилось им к тотальной текучести, лишенной направленности, и, по

существо, хаотичной изменчивости, лишенной всяких закономерностей и «не допускающей сведения совершенно различных линий к общему развитию»⁹.

Многие другие философские проблемы, представленные в «историзме» Трельча, решались путем сочетания взглядов Дильтея и неокантианцев, дополненных ярко выраженными теологическими мотивами. В отдельных же вопросах Трельч резко расходился с названными философами. В одних случаях Трельч рассматривал «историзм» как вариант методологии (разумеется, идеалистической), призванный заменить спекулятивные философско-исторические системы, в других — как мировоззренческий релятивизм во взглядах на историю. Этот последний, «дурной историзм», по мнению Трельча, должен быть преодолен. В работе «Историзм и его преодоление» (1924 г.) он делал упор именно на нейтрализацию «историзма» как разновидности мировоззренческого релятивизма, проявляющегося в понимании социальных явлений и подрывающего многие «абсолютные» ценности и нормы: этические, религиозные и другие. Таким образом, в отношении Трельча к «историзму» наблюдалась двойственность, противоречивость, во многом обусловленная тем обстоятельством, что он одновременно выступал и в качестве историка и в роли теолога, пытающегося не допустить распространения исторического релятивизма на догмы христианской религии¹⁰.

Мейнеке в обоснование «историзма» как общей идейно-мировоззренческой и методологической опоры конкретно-эмпирической историографии шел в некоторых отношениях теми же путями. Однако в его работах «историзм» выступает в более развернутом виде и, что особенно характерно, преподносится как воплощение магистральной линии развития западноевропейского исторического мышления XIX—XX столетий.

В концептуальном определении «историзма» у Мейнеке прежде всего выступает стремление наделить его статусом общего социально-исторического мировоззрения, выходящего за рамки методологии конкретного исторического познания. В своих работах он неоднократно доказывал, что «историзм» нельзя рассматривать как простую совокупность познавательных приемов и средств, сложившихся в истории как в специальной науке. Характеризуя его содержание, Мейнеке подчеркивал, что «здесь речь идет не только о принципе науки и его применении, но и о принципе жизни, о новом взгляде на человеческую жизнь вообще, из которого как раз и возник этот принцип науки»¹¹. «Поэтому историзм, — писал он в другой работе, — означает нечто большее, чем метод истории как науки»¹². Несмотря на значительную аморфность высказываний Мейнеке о содержании и функциях «историзма», в них пробивается основная мысль о том, что этот принцип нельзя ограничивать рамками конкретно-исторической методологии. Он выступает в широком плане, как понимание всей общественно-исторической действительности, призванное, как полагал Мейнеке, преодолеть все другие философско-исторические концепции, как абстрактно-умозрительного идеализма и позитивизма, так и материализма. Его основными атрибутами, судя по работам Мейнеке, являются: принцип «индивидуализирующего рассмотрения» социально-исторической действительности, признание иррациональности исторического процесса, «идея развития», исторический индетер-

⁹ E. Troeltsch. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen. 1922, S. 7, 26, 57, 104, 227.

¹⁰ E. Troeltsch. Der Historismus und seine Überwindung. B. 1924. Ф. Вагнер, характеризуя концепцию «историзма» Трельча, заявляет, что «осуществляя историзацию, он одновременно хотел спасти абсолютные ценности христианства» (F. Wagner. Der Historiker und Weltgeschichte. München. 1965, S. 139).

¹¹ F. Meinecke. Vom geschichtlichen Sinn und vom Sinn der Geschichte. Leipzig. 1939, S. 95.

¹² F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus. Werke. Bd. III. München. 1959, S. 2.

минизм, релятивизм и ряд других постулатов, эклектически впитавших в себя разношерстные идейные поветрия буржуазной философии. Таким образом, «историзм» выступал у Мейнеке в качестве некоей разновидности идеалистической философии истории, как ее особый, более «историчный» вариант, обладающий определенной совокупностью специфических принципов интерпретации истории общества и соответствующими гносеологическими установками.

Сам Мейнеке так оценивал появление «историзма»: «Это была, очевидно, величайшая революция мысли, которую до сих пор переживала Европа»¹³. В другой работе снова встречается утверждение о том, что «возникновение историзма было величайшей революцией в западноевропейской мысли»¹⁴. В этих высказываниях модные в буржуазной идеологии претензии на «революцию мысли» доведены до крайности. Мейнеке даже уверял, что «историзм» представляет собой «самую высшую... ступень в понимании человеческих дел», «он создал совершенно новую картину мира и жизни»¹⁵. Аргументация этих выводов, изложенная главным образом в книге «Возникновение историзма», неизменно сопровождалась искажением действительных тенденций развития философской и социальной мысли XVIII—XIX веков. Мейнеке произвольно проецировал свои излюбленные постулаты на эволюцию общественной мысли предшествующих веков. В результате «знаменитая генеалогия историзма» разрослась у него до нескольких десятков известных мыслителей, взгляды и идеи которых соответствующим образом препарировались и «подтягивались» к позиции самого Мейнеке. Тем самым он пытался создать видимость закономерной и прогрессирующей аккумуляции принципов «историзма», возводя его в некую доминирующую тенденцию, якобы пробивавшуюся в философско-исторической мысли на протяжении последних столетий. На самом же деле декларируемый Мейнеке «новый способ» понимания истории представлял собой эклектичное сочетание различных идей и принципов, частично заимствованных, хотя и в модифицированном виде, из некоторых течений философского идеализма, а частично сконструированных им самим.

В чем же состоит основное содержание «историзма» Мейнеке как философско-исторической концепции? В совокупности методологических проблем, вставших перед буржуазной исторической наукой еще в конце XIX в., одно из первых мест заняла проблема единичного и общего в истории. И это не было случайностью, ибо ее решение в значительной степени предопределяет исходные принципы любого направления в историографии. Она теснейшим образом переплетается с фундаментальной для исторического мышления проблемой общих социальных закономерностей. Отрицание этих закономерностей в буржуазной философии истории всегда связано с односторонней абсолютизацией индивидуальности социальных явлений, что было особенно характерно для «индивидуализирующего метода». Характеризуя основные вехи его становления, Г. Лозек (ГДР) пишет, что этот метод, «практикуемый со времен Ранке, был философски возведен Виндельбантом и Риккертом в систему, мистифицирован «философией жизни» Дильтея и отшлифован Мейнеке»¹⁶.

Отстаивая «индивидуализирующее понимание» истории, Мейнеке писал: «Суть историзма состоит в замене генерализирующего взгляда на историю ее индивидуализирующим пониманием»¹⁷. Предпринятая им

¹³ F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. Werke. Bd. I. München, 1957, S. 425.

¹⁴ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 1.

¹⁵ Ibid., S. 4; F. Meinecke. Staat und Persönlichkeit. B. 1933, S. 59.

¹⁶ G. Lozek. Bürgerliche Geschichtsschreibung Westdeutschlands in der Krise. «Einheit», 1964, № 9—10, S. 203.

¹⁷ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 2.

«шлифовка» философско-исторического номинализма с его «индивидуализирующим методом» выражалась в попытках в максимальной мере парализовать направляемую в его адрес критику, преодолеть некоторую непоследовательность, присущую в том числе и неокантианству, сделать свою концепцию более гибкой, эластичной, «уживающейся» с некоторыми общепринятыми принципами исторического исследования. Например, даже буржуазные историки и философы обращали внимание на то, что абсолютный номинализм вступает в очевидное противоречие с познавательным процессом исторической науки, в котором неизбежно имеет место определенная типизация явлений на основе присущих им сходных и повторяющихся признаков. Признавая этот факт, Мейнеке утверждает, что «индивидуализирующий принцип» рассмотрения истории не отрицает наличия типического в событиях и явлениях. Однако, добавлял он, все исторические события, какими бы типичными они ни были, всегда выступают в своей целостности как сугубо индивидуальные и неповторимые, ибо «тип — это индивидуальность более высокого порядка»¹⁸. Таким образом, признаваемое Мейнеке типическое в истории есть опять-таки нечто индивидуальное, но выступающее лишь в более широком объеме.

В данном случае Мейнеке спекулировал на известной относительности различия между индивидуальным и общим. Общее в событиях истории действительно начинает «индивидуализироваться», если оно изменяет свою коррелятивность и включается в более обширный класс социальных явлений. Относительность граней между этими полярностями софистически использовалась для различного рода манипуляций, направленных на растворение общего и типического в индивидуальных характеристиках явлений. Используя то обстоятельство, что фиксация некоторого отношения в качестве типического и общего не может основываться на каких-то абсолютных и безотносительных сторонах явлений, Мейнеке упорно толкал теорию исторической науки в сторону антинаучной, номиналистской атомизации исторического процесса. Все явления и процессы истории, вступая в комплексные соединения, «ведут к более крупным и обширным индивидуальностям». «Народ, раса, государство являются индивидуальными образованиями». «Весь исторический процесс является великой ареной и сокровищницей индивидуального»¹⁹.

Некоторые буржуазные авторы утверждали, что, признавая общее и типическое в истории, подвергая его «индивидуализации», Мейнеке делал «индивидуализирующий метод» более последовательным, гибким и аргументированным²⁰. На самом же деле процедура «шлифовки» постулатов исторического номинализма порождала новые противоречия, вела к другим абсурдным выводам, подчас граничившим с мистикой. Это, например, отчетливо проявилось в отношении Мейнеке к законам истории. Если неокантианцы утверждали, что индивидуальный характер явлений истории делает невозможным существование законов, то Мейнеке занимает несколько иные позиции. Когда историки, говорил он, «забывают глубокие имманентные закономерности... то улетучивается душа исторических образований и остаются лишь мертвые факты»²¹. Однако, по его мнению, нужно искать не общие законы, подчиняющие своему действию массу однородных исторических явлений. Законы истории несут преимущественно индивидуальный характер. Каждое явление «имеет свой собственный центр существования и развития»²². Следовательно, в каждом явлении «следует видеть индивидуальный жизненный закон».

¹⁸ F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte. Werke. Bd. IV. Stuttgart. 1959, S. 72.

¹⁹ Ibid., S. 53, 202, 203.

²⁰ См. W. Hofer. Geschichtsschreibung und Weltanschauung, S. 66.

²¹ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 528.

²² F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 203.

Развитие события совершается «по своим индивидуальным законам, на основании собственных духовных основ»²³.

Если не превращать научные понятия в бессодержательные термины, то идея «индивидуального закона» нелепа, потому что говорить об «индивидуальном законе жизни», якобы обуславливающем бытие отдельного исторического явления, и к тому же полагать, что этот «закон» есть проявление «духовной сущности», — значит впасть в беспросветный мистицизм.

В исторической концепции Мейнеке большое место занимает проблема причинности и ее соотношение с целеполагающей, волевой деятельностью людей. Известно, что буржуазная методология истории не способна осмыслить социально-историческую действительность во всей ее противоречивости, в диалектическом взаимодействии объективных и субъективных факторов. Одностороннее подчеркивание либо не зависящей от человека каузальной связи (характер которой, как правило, извращается), либо субъективно-волевых импульсов и свободы порождает различного рода превратные представления, ведущие либо к фатализму, либо к волонтаризму. У Мейнеке же наблюдалось эклектическое сочетание обеих этих тенденций.

Как историк, он не мог не чувствовать несостоятельность абсолютного индетерминизма, формулы которого воочию обнаруживали свою беспочвенность перед лицом грандиозных и подчас катастрофических событий XX века. Но Мейнеке оказался не в состоянии понять характер исторической каузальности. Он всячески подчеркивал раздвоенность, «биполярность» исторической действительности, представляя ее как своеобразную арену противоборства природных и духовных сил. «Природа и дух, — писал он, — закономерная каузальность и творческая спонтанность являются двумя полюсами, которые, как таковые, резко и, по-видимому, непримиримо противостоят друг другу. Историческая жизнь... всегда определяется обоими этими полюсами»²⁴. Поэтому в решении вопроса о роли объективной причинности в истории Мейнеке зачастую отдавал определенную дань натуралистическому детерминизму. Он признавал действие в исторических событиях «механической и биологической каузальностей». Первая якобы действует в простейших материально-экономических явлениях, вторая — в развитии, росте и расцвете народов, наций и т. п.²⁵. Натуралистические моменты в исторических построениях Мейнеке иногда приобретали столь гипертрофированный характер, что переходили в натуралистически окрашенный фатализм. По его мнению, очень часто природные факторы в социальных процессах, то есть «механическая и биологическая каузальности», начинают действовать с железной необходимостью, не знающей исключения, и порождают неотвратимый результат²⁶. Однако, с другой стороны, Мейнеке провозглашал, что «спонтанные импульсы» человека, его субъективные мотивы и побуждения могут «прорывать каузальную взаимосвязь»²⁷. Поэтому доминирующей оказывалась все же идеалистическая тенденция, абсолютизирующая субъективные мотивы и возводящая их в ранг решающих причин исторических событий.

Чрезвычайно непоследовательные позиции Мейнеке занимает и в решении другой, родственной проблемы — о свободе и необходимости в истории. Она была и остается камнем преткновения для буржуазной философии истории. Следует признать, что Мейнеке в некоторой степени стремился избежать коренного противопоставления данных понятий, сознавая отчасти, что это чревато тенденциями фаталистического или

²³ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 594.

²⁴ F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson..., S. 10.

²⁵ F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 61—63.

²⁶ F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson..., S. 504.

²⁷ F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 61.

волюнтаристского толка. «Необходимость и свобода,— писал он,— настолько переплетены во всех проявлениях исторической жизни, что их можно обособлять лишь приблизительно, а не радикально». «Историзм всюду видит свободу и необходимость неразрывно переплетенными». «Более того,— говорит он в другой работе,— необходимость и свобода настолько срослись друг с другом, что часто один и тот же акт, подвергающийся нашему исследованию, представляется нам и свободным, и необходимым»²⁸. Однако признание взаимосвязанности необходимости и свободы само по себе еще не создает предпосылки для действительного решения этой важной проблемы. Здесь прежде всего требуется научный подход к трактовке самих категорий необходимости и свободы, к выяснению характера их взаимосвязи.

Описательно-фактографическая историография, господствующая в буржуазном обществе, как правило, сводит исторические события к деятельности отдельных личностей. Поэтому в философско-исторических концепциях, обосновывающих данный тип историографии, проблема свободы и необходимости выступает большей частью в одностороннем и искаженном виде. Она ограничивается преимущественно вопросом о соотношении, с одной стороны, свободы воли действующих в истории личностей, сводимой к их субъективным побуждениям и мотивам, а с другой — каких-либо внешних факторов, оказывающих воздействие на поведение этих личностей. Все специфическое содержание проблемы необходимости и свободы сводится, таким образом, к узкоиндивидуальным рамкам «борьбы» между «спонтанно» возникающими волевыми импульсами действующих в истории личностей и внешними факторами, преимущественно препятствующими этой деятельности. Сфера необходимости и сфера свободы оказываются дуалистически противостоящими друг другу величинами. Мейнеке в решении данной проблемы, по сути дела, не выходил за рамки подобных представлений, ставших в некоторой мере традиционными и в построениях философов-идеалистов и в теоретических экскурсах буржуазных историков. У него весь вопрос о необходимости и свободе сводился к определению чисто количественного соотношения между внешними факторами и индивидуальной волей. Устанавливалась своеобразная обратно пропорциональная зависимость между ними: чем большее значение приобретают внешние факторы, тем меньше остается места для свободы воли, и наоборот. Он конструировал искусственную метафизическую дилемму: либо каузальный закон, либо «спонтанная» свобода воли. Если, по Мейнеке, признать действие строгих каузальных законов в истории, то «спонтанные» события, имеющие в своей основе активную деятельность свободной воли, были бы вообще исключены. Если же допустить, что историческая жизнь подчинена каузальному закону отчасти, то в таком случае можно предполагать, что наряду с этой суммой условий, влияющих извне на поведение исторического субъекта, существует «хотя бы небольшой «икс» подлинно индивидуальной и спонтанной деятельности»²⁹.

Подобно другим буржуазным теоретикам, он пытался представить свободу воли в качестве самопричины, основанной на «спонтанных», субъективных мотивах духовно-нравственного порядка. Именно эти «спонтанные», неуловимые и рационально необъяснимые мотивы являются пружинами волевых побуждений к историческому действию. «Момент свободы,— писал Мейнеке,— это признак духовной спонтанности...»³⁰. Свободу, по его словам, всегда следует понимать «в смысле спонтанного импульса» духовно-нравственного порядка. Таким образом, он проводил архаичную индетерминистскую линию, которая сводит сво-

²⁸ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 171, 587—588; ejsud. Aphorismen und Skizzen zur Geschichte. Leipzig. 1942, S. 101.

²⁹ F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 33.

³⁰ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 169.

боду к произволу, лишенному объективных детерминирующих факторов. Но свободная воля отнюдь не спонтанна в том смысле, в каком эту спонтанность трактует индетерминизм. Она фиксирует в субъективных побудительных импульсах сложное переплетение объективно действующих причин. Поэтому характер и природа свободы воли в любом из ее аспектов могут быть определены лишь с позиций научного детерминизма. В. И. Ленин в противоположность индетерминизму выдвигал единственно правильное положение, что только признание объективной исторической необходимости позволяет верно определить роль субъективного фактора, значение целей и мотивов исторически действующего человека. Он подчеркивал, что «только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»³¹.

Философско-исторические построения Мейнеке пронизаны иррационализмом. Его квинтэссенцией является учение о трагической «судьбе» в истории, которое он также рассматривал в качестве неотъемлемого компонента «историзма». «Подлинный историзм, — писал он, — требует учитывать судьбу». «Не пытаясь определить прогресс или регресс, а обосновать судьбу — вот в чем самая высшая задача историка»³², — говорил он в другом месте. Сугубо мифологическая и мистическая идея «судьбы», которая якобы властвует над человеческими деяниями исторического масштаба, пользовалась значительным влиянием в немецкой буржуазной идеологии еще во второй половине XIX в., констатирует В. Гофер, «понятие судьбы превращается в основную категорию общеполитической интерпретации»³³. Оно начинает выступать как главный антипод категории каузальности, все чаще и чаще противопоставляется понятиям необходимости и закономерности.

Мейнеке, впадая в безудержный пессимизм и мифологизацию исторического процесса, доказывал, что «в истории в большом и малом господствует судьба, которая демонически производит и переплетает друг с другом благо и несчастье». «Судьба» представлялась ему результатом срастания враждебных, чужеродных по отношению друг к другу сил, имеющих как реально-историческое, так и трансцендентное содержание. Он часто связывал свое понимание судьбы с определенным комплексом каузальных взаимосвязей, которые, однако, дополняются действием таинственных надисторических сил, имеющих «загадочную» духовную природу. Рассматривая ее как «загадочную», но неотвратимую цепь причин, он говорил, что «власть судьбы» является одновременно «фактором необходимости в истории». В ряде случаев он характеризовал «судьбу» как «высшую историческую необходимость»³⁴. Поэтому в его работах встречается целая серия эпитетов, одинаково сопровождающих и понятие необходимости, и понятие «судьбы»: «внутренняя», «внешняя», «железная», «неизбежная», «слепая» и т. д. Во всех этих высказываниях обнаруживается главное — тенденция к отождествлению исторической необходимости с «судьбой», к растворению объективной необходимости в мистических представлениях.

Отождествление понятий каузальности и необходимости с понятием «судьбы» служило у Мейнеке средством, призванным подменить научное рассмотрение истории агностическими спекуляциями о «загадочности» и «непостижимости» причин и движущих сил исторического процесса. В данном случае происходило мистифицированное «снятие» объективной необходимости, реальных законов в пользу непознаваемого, трансцендентного. Своими рассуждениями о «судьбе» Мейнеке пытался окутать

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 159.

³² F. Meinerke. Die Entstehung des Historismus, S. 337; e j u s d. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 144.

³³ W. Hofer. Geschichtsschreibung und Weltanschauung, S. 215.

³⁴ F. Meinerke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 208.

объективную необходимость иррациональным мраком, «перевести» ее в некую метафизически-трансцендентную сферу, в результате чего она утрачивала свое реально-историческое содержание, превращаясь в мистическое и всевластное, но рационально непознаваемого фантома³⁵.

В буржуазных теоретико-исторических концепциях, начиная с рубежа XIX—XX вв., все более повышенное внимание уделяется проблеме развития применительно к истории. Эта общая тенденция отчетливо проявила себя и в работах Мейнеке. Идея развития наряду с принципом индивидуализирующего рассмотрения исторических явлений объявлялась важнейшим атрибутом «историзма». Более того, в ряде высказываний она провозглашалась даже его главным содержанием. «В идее развития,— писал Мейнеке,— я вижу собственно сердцевину историзма. В идее же индивидуальности явлений — ее необходимое дополнение»³⁶. Уже в этой формуле явно обнаруживается стремление уложить проблему развития, имеющую важнейшее методологическое значение для исторической науки, в прокрустово ложе «индивидуализирующего понимания» истории. Для Мейнеке неприемлемы те представления о развитии в истории, которые связывают это развитие с действием каких-либо закономерностей.

Хотя Мейнеке сам склонялся к биологическим аналогиям и натурализму, тем не менее он выступал против тех теорий исторического развития, которые перекочевали в историософию из биологии. Они неизбежно носили на себе отпечаток преформизма, сводившего развитие к простому развертыванию и росту уже заранее имевшегося качества. Исторический процесс оказывался заранее predetermined, протекающим в строго однозначном направлении и, по сути дела, не порождающим ничего нового. Он способен был только реализовать те исторические формы, которые заранее содержались в потенциальном, зародышевом виде. Ярко выраженные тенденции к биологизации социально-исторического развития имелись у О. Шпенглера, который доказывал, что, исходя из биологических аналогий, можно точно определить фазисы, темпы и результаты развития исторического процесса. Мейнеке подвергал критике не только его концепцию заката европейской цивилизации, но и тенденции отождествить историческое развитие с биологическим, «растениеподобным» процессом. Он резко выступил против сведения категории развития к представлениям о простом количественном развертывании уже имеющегося качества, что было характерно для Шпенглера и его сторонников, а также для натуралистско-эволюционистских концепций старопозитивистского толка. И те и другие так или иначе гальванизировали преформизм и протаскивали его в несколько модернизированном виде в общественно-историческую науку. Историк, по Мейнеке, должен применять к познанию социально-исторических явлений идею развития, но не в смысле процесса простого развертывания, predetermined какой-то первичной структурой. Это развертывание, с его точки зрения, «есть изолированный процесс, посредством которого происходит лишь постоянное обнаружение тех возможностей, которые заранее содержались в зародыше и которые переходят от существования скрытого к существованию открытому»³⁷.

В противоположность указанным концепциям Мейнеке выдвигает понимание развития как «спонтанного» процесса изменений, происходящего под действием индивидуальных причин и лишённого какой-либо направленности. Говоря о том, что «историзм требует вполне опреде-

³⁵ Распространенная среди буржуазных западногерманских историков идея иррациональной судьбы критикуется некоторыми из них. «Так называемая «идея судьбы», — пишет А. Штерн, — относится к сфере мифологии, и ссылка на нее может привести лишь к псевдообъяснению» (A. Stern. *Geschichtsphilosophie und Weltproblem*. München-Basel. 1967. S. 132).

³⁶ F. Meinecke. *Zur Theorie und Philosophie der Geschichte*, S. 202.

³⁷ F. Meinecke. *Die Entstehung des Historismus*, S. 598.

ленного понятия развития», Мейнеке на передний план выдвигает его «спонтанность», «пластичную способность к изменениям под воздействием индивидуальных факторов»³⁸. Это означало, что развитие явлений может принимать самые разнообразные формы, история способна изменяться в любом направлении. Каждому явлению и событию присущ «свой собственный центр развития», на процесс развития оказывают решающее влияние индивидуальные и неповторимые факторы. Следовательно, и с этой стороны развитие не может заключать в себе каких-то устойчивых, доминирующих тенденций. В развитии истории, по Мейнеке, всегда возникает «что-то новое, непредвиденное»³⁹. Как видим, здесь Мейнеке конструирует искусственную дилемму: либо процесс исторического развития является однонаправленным, абсолютно предопределенным, телеологичным, либо, если это неприемлемо, развитие в истории лишено каких бы то ни было элементов «предопределенности»; оно всегда приносит с собой что-то абсолютно неожиданное и непредвиденное, поскольку в нем главную роль играет фактор свободы и «спонтанности» в деятельности человека.

Истинное решение вопроса предполагает преодоление этой искусственно конструируемой дилеммы. Процесс развития, особенно в истории, является противоречивым. Развитие всегда обладает определенной направленностью своих качественных изменений. Поскольку историческое развитие осуществляется на основе объективных законов, объективной необходимости, устойчивых каузальных взаимосвязей, оно неизбежно обладает элементами «предопределенности» в том смысле, что каждая последующая ступень в этом развитии в огромной мере детерминирована предшествующими стадиями. Она является результатом актуализации заранее имевшихся предпосылок объективных возможностей и даже в большой мере продуктом их «развертывания». Но в то же время в результате действия разнообразных, подчас противоположных сил и тенденций, проистекающих, в частности, из субъективного фактора, историческое развитие во многих отношениях оказывается процессом, трудно поддающимся предвидению в конкретных чертах и деталях, ибо многие явления отклоняются от объективной логики истории.

Плюралистское сведение Мейнеке развития истории всецело к стихийно сталкивающимся разнонаправленным изменениям, лишенным доминирующей объективной логики, преследовало вполне определенные цели. Под сомнение ставилось учение о закономерностях развития истории, о неизбежной последовательности ее основных этапов, отрицалась возможность какого-либо предвидения ее дальнейшего хода. Свое понимание развития как неопределенного, хаотичного и, по существу, иррационального потока изменений Мейнеке также направлял против идеи прогресса. «Историзм», по его словам, «далек и от узкого понимания развития как простого роста зародыша, и от вульгарной... идеи прогресса»⁴⁰. Все учения о поступательном, прогрессивном развитии истории, по его словам, были всегда телеологичными, произвольно сводящими бесконечно разнообразные изменения к общей линии развития, а последнюю — к единой цели, прогрессу. Представления о развитии истории как прогрессе, по мнению Мейнеке, всегда превращают развитие мировой истории в прямую линию, «направленную к совершенному конечному состоянию»⁴¹. В данном случае он пытался бороться с научной теорией исторического прогресса путем подмены ее хилыми телеологическими концепциями.

В «историзме» Мейнеке иррационалистические взгляды на содержание исторического процесса закономерно связаны с иррационалистической

³⁸ Ibid., S. 159.

³⁹ F. Meinecke. Aphorismen und Skizzen zur Geschichte, S. 93.

⁴⁰ F. Meinecke. Die Entstehung der Historismus, S. 5.

⁴¹ Ibid., S. 566.

гносеологией. В своих работах он проводил мысль о том, что искоренение рационализма как философско-исторического мировоззрения со всей необходимостью предполагает его преодоление и в сфере гносеологических проблем исторической науки. «Революция в области мышления», якобы произведенная «историзмом», имела своим результатом также переворот в способах познания истории. «Эта более богатая и более глубокая картина мира,— писал он,— которую создал возникший немецкий историзм, потребовала более глубокого мышления и более сложного... языка понятий»⁴². Еще откровеннее о «революции» в теории познания, связанной с возникновением «историзма», говорит В. Гофер. «Духовный переворот, произведенный историзмом,— писал он,— создал с необходимостью... новую теорию исторического познания»⁴³.

Эта «новизна» заключалась в открытом обосновании гносеологического иррационализма. По сути дела, «историзм» занимался «конкретизацией» иррационалистической гносеологии, которая в буржуазной философии цвела пышным цветом еще во второй половине XIX века. Известно, что антиинтеллектуалистские концепции Шопенгауэра, Ницше и других буржуазных философов всячески третировали рациональные методы и средства познания. Они доказывали, что интеллект своими общими понятиями «убивает жизнь» с ее бесконечным динамизмом, ибо разум в своих понятиях может фиксировать лишь конечное и статичное. Особенно упорно иррационализм пробивался в гносеологию исторической науки. Концепция «понимания» Дильтея, неокантианская «логика истории» (Виндельбанд, Риккерт) открывали для него значительный простор. Провозглашенный неокантианцами «индивидуализирующий метод» органически включал в себя отрицание рациональных и применяющих общие понятия способов отображения исторической действительности. По Риккерту, каково бы ни было содержание понятий, существует полная противоположность между ними и индивидуальной исторической действительностью. Даже самое элементарное образование понятий ведет к исчезновению индивидуального. Поскольку история всецело сводит свою задачу к постижению индивидуального, она «никогда не может приводить свой материал в систему общих понятий». Историческая действительность к тому же представляет собой процесс становления и развития. Понятия же противостоят «изменчивому бытию как нечто устойчивое и постоянное»⁴⁴.

Следовательно, по отношению к понятиям историческая действительность предстает как нечто иррациональное. Но поскольку неокантианцы стремились обосновать логику исторической науки, открытое признание гносеологического иррационализма, отвергающего всякую логику мышления, их не устраивало. Поэтому Риккерт проявлял явную непоследовательность, когда пытался отстаивать правомерность рациональных форм в познании индивидуальных явлений истории. С одной стороны, он доказывал, что эти явления могут фиксироваться исторической наукой лишь путем своеобразного сочетания общих понятий: «лишь известным образом сочетая эти общие элементы, она дает нам индивидуализирующее изображение действительности»⁴⁵. Но, с другой, Риккерт утверждал, что индивидуальная историческая действительность постигается при помощи понятий, имеющих индивидуальное содержание: «Фундаментальное различие между естествознанием и историей заключается в том, что первое образует понятия, имеющие общее содержание, а последнее — понятия, имеющие индивидуальное содержание»⁴⁶. Одна-

⁴² F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson..., S. 452.

⁴³ W. Hofer. Geschichtsschreibung und Weltanschauung, S. 291.

⁴⁴ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб. 1903, стр. 228.

⁴⁵ Г. Риккерт. Философия истории, стр. 38.

⁴⁶ Г. Риккерт. Границы естественнонаучного образования понятий, стр. 444.

ко это утверждение Риккерта обнаруживало очевидную несостоятельность, ибо понятия (он сам это признавал) как формы логического мышления неизбежно обладают чертами общности.

Мейнеке подвергал критике неокантианскую логику истории за ее внешнюю рационалистичность, за непоследовательность в соблюдении индивидуализирующего принципа. По его словам, этот принцип в своем последовательном проведении в области гносеологической проблематики ведет только к иррационализму; он несовместим с какими-либо элементами рационализма, которые пытался сохранить в своей концепции Риккерт. Поскольку каждое историческое явление как целостность есть нечто абсолютно индивидуальное, обладает особой, неповторимой сущностью, его нельзя выразить посредством логических понятий. Сущность индивидуального не охватывается общими понятиями, она непостижима средствами рационально-научных форм познания. Иррационалистический тезис Мейнеке о том, что индивидуальное нельзя постигнуть средствами логического мышления, нашел выражение в его излюбленной формуле: «*Individuum est ineffabile*» (индивидуальное — невыразимо). Подчеркивая связь иррационализма с «индивидуализирующим принципом», Мейнеке писал, что «вместе с идеей индивидуального в немецкое историческое мышление вполне логично вступило иррациональное...». Историка, по Мейнеке, противоположены чисто рациональные средства познания. Только путем иррационального проникновения в целостность исторически индивидуального явления можно обнаружить его «жизненный центр», который-то главным образом и хочет понять историк. Поскольку индивидуальное в истории представляет собой «жизненную тотальность», она может быть постигнута «тотальностью всех духовных способностей»⁴⁷, среди которых первостепенное место занимает иррациональная интуиция.

Иррационалистическая теория исторического познания основывалась у Мейнеке не только на «индивидуализирующем принципе». В качестве ее опоры выступали и многие другие положения «историзма». Определенное место занимала иррационалистически трактуемая идея развития. Историческая действительность представлялась хаотично изменяющимся потоком, в котором нет ничего устойчивого, сохраняющего свою качественную определенность. Понятия же, напротив, изображались как какие-то статичные и неизменные логические формулы, «мертвые дефиниции». В результате делался вывод, что в истории и с этой стороны есть нечто такое, чего не может постигнуть ни разум, ни логика понятий. Чрезвычайно большую роль играли также индетерминистские представления о движущих силах и причинности в истории. Как видим, несмотря на наличие элементов натурализма, главными пружинами истории выступали у Мейнеке все же субъективные мотивы, цели и побуждения людей. Отсюда закономерно вытекали и извращенные представления о познавательном процессе в исторической науке.

Мейнеке видел главную задачу историка в воспроизведении путем «творческого воображения» того, что действительно думали и чувствовали люди прошлых эпох, совершая те или иные действия. Мейнеке ориентировал историческую науку на познание индивидуальных мыслей, чувств и эмоций, присущих историческим личностям. Поэтому в историческом познании, говорил он, главную роль играет «не разум, а всё мыслящее и чувствующее Я, которое стремится проникнуть в тотальность другого Я путем непосредственной интуиции». Интуиция должна рассматриваться историком не как побочный и вспомогательный инструмент познания, а как «самое существенное и необходимое рабочее средство...»⁴⁸. Именно она позволяет проникнуть в духовный мир тех людей, которые были участниками анализируемых событий прошлого. Вслед за

⁴⁷ F. Meinecke. Staat und Persönlichkeit, S. 60.

⁴⁸ F. Meinecke. Zur Theorie und Philosophie der Geschichte, S. 26.

Дильтеем он обосновывал необходимость для истории не рационального объяснения, а иррационального «понимания». К правильной разгадке сущности исторических событий, утверждал Мейнеке, «можно прийти только в том случае, если элементы собственной жизни привести в точное соответствие с элементами прошлой жизни посредством понимающей симпатии»⁴⁹. Для этого историку надлежит путем воображения оказывать в той ситуации, в которой находились исторические субъекты. Тогда он сделает шаг к внутреннему проникновению, к пониманию мыслей и чувств, возникавших в этой ситуации. Таким образом, Мейнеке преподносил в качестве основного метода изучения истории психологическую интроспекцию, которая посредством какой-то ретроспективной процедуры «нащупывает» подлинные мысли и чувства прошлых эпох.

Используя различного рода аргументы, спекулируя на некоторых особенностях исторического познания, создающих дополнительные трудности в применении научных средств, Мейнеке пытался обосновать антиинтеллектуалистскую линию в методологии исторического знания. Стремление ряда буржуазных историков найти для своей дисциплины какие-то научные методы познания он не только не разделял, а, наоборот, склонен был считать неверным, основанным на ошибочном понимании сущности и специфики исторического исследования. «Науки о духе,— писал он,— не должны стремиться к точности естественных наук. Им не следует, осмелюсь я сказать, этого делать. Ибо в таком случае наиболее изящное и наиболее ценное в духовной жизни было бы поставлено перед опасностью раствориться в мертвых дефинициях». Мейнеке призывал историков остерегаться распространять понятия, образованные сугубо научным путем, на исторические явления, ибо в таком случае последние окажутся деформированными⁵⁰. Процесс исторического познания, с его точки зрения, должен сводиться к погружению историка «во внутренность и индивидуальность» человеческого духа прошлых эпох: лишь таким путем можно «процикнуть в глубины исторической жизни»⁵¹. Таким образом, гносеологическая концепция Мейнеке призывала значительно ограничить роль научных приемов в процессе познания явлений исторического прошлого. В ней превалировали иррационалистско-интуитивистские поветрия буржуазной идеологии, хотя и получившие некоторую конкретизирующую модификацию.

В идейно-философском перевооружении западногерманской буржуазной историографии послевоенного периода «историзм» Мейнеке занял немаловажное место, ибо он обнаружил значительную ценность в свете определенных политических и идеологических потребностей правящего класса. Преимущественно благодаря работам Мейнеке понятие «историзма» как разновидности идеалистической интерпретации истории получило значительное распространение. «После окончания мировой войны,— констатирует западноберлинский историк П. Кирн,— «историзм» становится модным»⁵². Буржуазные авторы связывают данное понятие с определенным комплексом мировоззренческо-методологических принципов, неотъемлемо присущих «подлинной немецкой историографии». «Историзм» возводится в ранг единственной приемлемой основы исторического знания. «Лишь историзм,— заявляет Р. Виттрам,— создает возможность для развития методологии исторического познания. Только на его основе может существовать история как наука»⁵³. Усилия многих западногерманских историков направлены на доказательство того, что «историзм» мейнековского толка способен якобы стать не только философско-теоретической основой западногер-

⁴⁹ Ibid., S. 199.

⁵⁰ F. Meinecke. Vom geschichtlichen Sinn und vom Sinn der Geschichte, S. 33.

⁵¹ F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus, S. 390.

⁵² P. Kirn. Einführung in die Geschichtswissenschaft. Berlin (West), 1963, S. 78.

⁵³ R. Witttram. Das Interesse an der Geschichte. Göttingen, 1963, S. 81.

манской историографии, но даже единственно правильным социально-историческим мировоззрением. Приспосабливая «историзм» к экзистенциализму и называя этот модифицированный вариант «экзистенциальным историзмом», некоторые буржуазные историки стремились представить его в качестве «мировоззрения, необходимого для западного мира»⁵⁴. Причем они усматривают в «историзме» не только философскую опору избранного ими направления историографии, но и обнадеживающие позиции в борьбе с научно-материалистическим пониманием истории. Так, К. Д. Эрдманн объявил идеалистический «историзм» «подлинным духовным противоядием» против исторического материализма⁵⁵.

Воплощая традиционные идеалистические принципы исторического познания, «историзм» приспосабливается к тем требованиям, которые предъявляются к нему буржуазной идеологией. Стремясь быть действенным звеном этой идеологии, он неизбежно подвергает свои принципы некоторой реконструкции и обновлению. Однако даже буржуазные историки сознают, что посредством одних традиционных философско-исторических концепций нельзя преодолеть перманентный кризис западной историографии, а также вести борьбу против материалистической методологии истории. Поэтому они пытаются сдобрить «историзм» некоторыми новыми элементами, навеянными современной идеалистической философией, а также буржуазной социологией. Это обстоятельство следует учитывать при анализе современной западногерманской буржуазной историографии. Но тем не менее именно основные положения «историзма» Ф. Мейнеке воплощают то, что является типичным для ее методологии и в настоящее время.

⁵⁴ См. Н. Rothfels. *Historie und weltpolitische Situation*. Stuttgart. 1963, S. 5.

⁵⁵ К. Д. Erdmann. *Entwurf einer historischen Gegenwartskunde*. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1963, Hf. 1, S. 30.